

Известия, 1995, —
2 июня, — с. 5.

Высшая лира покаяния

Ирина ШЕЛИЯ, журналист

«Серые цветы», документальный полнометражный фильм Вахтанга Евгеньевича Микеладзе, получил «Гран-при» Лейпцигского фестиваля документальных фильмов. В мае 1995 года в программе «Человек и закон» автор представил фрагменты из своего фильма по 1-му каналу телевидения.

Серые цветы?.. Вы видели их когда-нибудь? Удручающее, должно быть, зрелище. Однако горький смысл, который вложил в эту аллегория режиссер Вахтанг Микеладзе, страшнее экологической катастрофы.

...Он работал над своими «Серыми цветами» три года. Ездил в лагеря, снимал, монтировал. Подбирал музыку. Особенно пристрастно подбирал музыку. Она — чистая, светлая, хрипящая — разная — должна была сказать о многом.

Кто только не побывал за эти три года в его монтажной: я видела там «крутых» мальчиков, притихших и прячущих мокрые от слез глаза. И плачущего, не таясь, дюжего американского репортера. Священника, машинально поднимающего руку для крестного знамения.

Евгений Микеладзе, 1935 г.

Да и как не дрогнуть, глядя на изувечившихся, готовых мстить всем и вся, молодых — совсем еще мальчиков и девочек, выбившихся из рамок человеческого существования? Почему, по какой непоправимой беде? По чьей преступной вине?

Вахтанг Микеладзе — документалист. И «Серые цветы» — полнометражный двухчасовой фильм — документален от первого до последнего кадра. Я не буду говорить о художественных достоинствах этой ленты, но если по законам жа-

нра роман есть описание жизни во всем ее развитии от и до, то «Серые цветы» — роман о главной нравственной теме жизни и творчества режиссера.

В основу общеизвестного фильма Т.Абуладзе «Покаяние» легла реальная история семьи музыканта Евгения Микеладзе. Это был горький рассказ о прошлом. Вахтанг Микеладзе в документальном фильме «Серые цветы» размышляет о сегодняшнем дне потомков искалеченного поколения.

Какая боль вела его руку, когда он писал алыми буквами в правом верхнем углу экрана, ставшего белой пустыней одиночества, это одно — в двух ипостасях — имя: «Отцу моему Евгению Микеладзе. Сыну моему Евгению Микеладзе».

В одном из эпизодов своих излюбленных испанских мотивов Эрнест Хемингуэй писал о буйной круговерти боя быков: «Казалось неуместным думать о последствиях во время фиесты».

Тогда, в кровавом шабаше тридцать седьмого, его вершителям казалось неуместным думать о последствиях своей жестокой вакханалии. А сегодня они, эти последствия, — в девчачьих лицах за колючей проволокой. В веренице лиц «Серых цветов». Казалось бы, таких обычных, зачарованно слушающих эстрадного кумира, ничем не отличающихся от тех, других, многотысячной толпой наводняющих стадионы там, где-то далеко, «на воле». Ничем не отличающихся, кроме чудовищных досье: «убийства, грабежи, насилие...»

В «Серых цветах» есть один «герой». Юноша, совершивший жестокое убийство. Он ждет приговора — высшей меры. Интервью перед судом: изможденное лицо, отрешенный, ушедший в себя взгляд. Ни дать ни взять Родион Раскольников, идущий на площадь для публичного покаяния.

Неожиданное для подсудимого решение — пятнадцать лет вместо «вышки». И вдруг — чудовищная мгновенная метаморфоза: на месте Достоевского персонажа — циничный «урка», нахально огрызавшийся жаргонной хрипотцой. Начинается его другая жизнь — там, среди волков. И надо оставаться волком, чтобы приспособиться. Приспособиться...

Много лет назад Андрей Тарковский пытался по-своему «прочитать» шекспировского Гамлета. Страдал, мучился, искал. Искренне желая помочь ему, друзья всячески изощрались в словесном толковании замыслов режиссера. И тогда один маститый писатель изрек сакраментальную фразу: «Если бы спектакль Тарковского тянул на ваши отзывы, с ним все было бы в порядке». Будто можно сказать за настоящего мастера больше него самого!

Посмотрите «Серые цветы». Послушайте Вахтанга Микеладзе. Он расскажет вам о третьем поколении тех, кого распяли в тридцать седьмом. Распяли, не задумываясь о последствиях.

ТБИЛИСИ—МОСКВА.